

противоречит как перипатетической, так и католической школе («peripateticae et catholicae scholae contrarium»), а заблуждение, которое лежит в его основе, весьма просто: это вера в то, что все воспринимаемое интеллектом как универсальное, абстрактное или отдельное универсально, абстрактно и отдельно пребывает в вещах и в Боге: «quicquid intellectus cognoscit universaliter vel abstractively vel praecisive, habet correspondentiam talem in re, sicut in Deo»*.

Если выбрать самое краткое выражение, то позиция Жерсона представляет собой звучащее более ста лет эхо осуждения 1277 г. и того духа теологической обороны, которое это осуждение вызвало: слишком большое число заимствований из языческих философов опасно для теологии, так как эти философы — противники покаяния, а следовательно, смирения веры. Это — древнее заблуждение Оригена, который слишком много пил из золотого кубка Вавилона, то есть, как уточняет Жерсон в своей второй лекции, не из какой угодно философии (причем он вовсе не думает осуждать философию как таковую!), а из философии язычников. Возвращаясь к одному из ключевых положений,

среди которых есть те, которые осудил Этьен Тампье, он фокусирует свою критику на неоплатоническом натурализме Авиценны, Аль-Газали и множества других неверных, принцип которых таков: одно как одно может происходить только из одного, — откуда они заключают, что лишь вторая интеллигенция имеет своей причиной первую. Это ошибочный принцип, и, проникая в самую христианскую теологию, он является причиной многих бедствий. Не отказываясь достаточно решительно от этого принципа, в Бога вводят различия на самом деле не реальные — ибо никто не осмелился бы дойти до такого святотатства, — но различия, взятые из природы вещи («ex natura rei»), которые очень похожи на реальные. Жерсон находит в номинализме и нечто здоровое — это как раз то, что в действительности делает подобное заблуждение невозможным. Родилось или нет учение Оккама из этого духа, но именно его обнаружил Жерсон, и его отзвук, кажется, слышится в первой лекции.

Рассматриваемый в этом аспекте номинализм XIV века подготавливал реформу теологии, воспринимаемой отныне как дисциплина веры, основанная на принципах отцов Церкви и связанная с их традицией. Критики схоластической теологии в XV и XVI веках не скажут против нее ничего нового, чего бы уже не сказал Жерсон. Это не значит, что они осудили схоластический метод как таковой. Совсем наоборот — Жерсон считал его необходимым для толкования учения отцов Церкви, и творчество великих учителей XIII века, особенно св. Бонавентуры, имело в его глазах очень важное значение. Однако, когда он оглядывался вокруг себя, ему казалось, что положение стало совсем иным: ученые люди считали себя теологами, чтобы затем преподавать одну только философию, презирали Библию и отцов Церкви (*spreta Biblia et aliis doctoribus*), забыли, что, согласно замечанию Августина, язык теологии не свободен, как язык философии, но имеет свое особое правило («nobis autem ad certam regulam loqui fas est»)**, и что

Глава IX. Философия в XIV веке

542

технические термины, введенные отцами Церкви, должны соблюдаться; бесполезно и произвольно умножается число вопросов; в отношении Бога задаются не только произвольные, но абсурдные вопросы (Сын может породить другого Сына, потому что Он обладает той же силой, что и Отец; Отца и Сына не объединяет любовь; Святой Дух был порожден раньше, чем стал абсолютно совершенным, и т. д.). Чтобы излечить эту болезнь, Жерсон мечтал об упрощенной теологии, единой везде и для всех, преподаваемой в